

МАМИНА СТИРКА

Всё чаще вспоминается теперь
со жгучей болью то, что раньше было:
как свежестыранную постель
заботливо для сына мать стелила
и говорила, вмиг перелистнув
все прожитые праздники и будни:
“Сынок, запомни эту белизну
и вспоминай, когда меня не будет...”
Блаженство детства поросло быльём.
Живу и хлеб жую, кручусь, потею,
но, как бы ни стирал своё бельё,
той белизны достигнуть не умею —
белее соли, сахара, снегов
и сказок с лебедиными крылами,
молочных рек, кувшинок, облаков, —
творимой материнскими руками.
Той белизны, которая звала
быть чище, милосерднее, мудрее.

Её для сына мама берегла,
ни сил своих, ни жизни не жалея.
Стелю постель, а боль не улеглась.
Короче — дни, а ночи — всё длиннее.
И там, где упадёт слеза на бязь,
мне кажется — бельё ещё чернее...
Мелькнуло что-то светлое вдали,
над горизонтом безвозвратно тая.
За матерями нашими с земли
уходит в белых ризах Русь святая.

КЛЮЧ

Машинка “Зингер”, как штурвал линкора,
в коробочке — конструктор “Сделай сам”,
манящих книг нечитанные горы...
(Я в каждом сне бываю снова там.)
Там первый задухевный звук баяна
и “Эврика!” — победный детский крик,
и, словно бы в глубинах океана,
медузой в трёхлитровке — чайный гриб.
Там всё волшебю: фильмоскопа лучик,
калейдоскоп из стёклышек цветных...
(Они смартфонов нынешних покруче,
и интернетом не заменишь их.)
Там цел и сладок леденец надежды,
и все невзгоды где-то далеко.
Там папа с мамой живы, как и прежде,
а с ними — так надёжно и легко.
Из ночи в ночь тропой воспоминаний
туда меня ведёт привычно сон...
Так безотчётно носят ключ в кармане
от дома, что бульдозером снесён.

ПАТЕФОН

Собравшись ехать в новый дом,
на пыльном чердаке
нашёл я старый патефон,
как архаизм в строке.

Застёжку крышки отомкнул,
в коробке выдвигной
чуть было палец не проткнул
малюсенькой иглой.

Взгляд зацепился за пакет
с узорами тенёт,
а в нём — пластинки давних лет
молчат который год.

Пластинку вынув наобум
и ручку покрутив,
стал различать сквозь треск и шум
продравшийся мотив.

Вот так когда-то первый раз —
тогда ещё пацан —

отец услышал сердцем вальс
и в руки взял баян.

Я ручку бережно крутил,
на круг пластинки клал,
и старый дом про всё, чем жил,
тихонько подпевал.

Мне открывался каждый звук,
как чудо из чудес,
как будто бы воскресли вдруг
кто жил когда-то здесь...

Шофёр, пугая всех окрест,
ругался, жал клаксон,
а я, забыв про переезд,
всё слушал патефон.

ЖЕМЧУГ

Как мыльный пузырь, колыхается радужность снов
над смятой телами усопших постелью земной,
а где-то по-прежнему терпит лишенья Иов,
и чинит ковчег для грядущих потоков Ной,
и мытарь Матфей в пыль дороги бросает мошну,
и жгучей проснувшейся совестью петел поёт,
и плачет отрёкшийся Пётр, сознавая вину,
и казни Спасителя жаждет спасённый народ;
как камни за пазуху прячутся тридцать монет,
и Сын исполняет великую волю Отца,
и гвозди пронзают ладони, несущие Свет,
и вечная жизнь открывается через Христа...
Внутри раковины проникая в морской глубине,
песчинка вонзается в плоть и терзает её,
и, мучаясь, мечется жизнь между створок на дне,
в жемчужину преобразуя страданье своё.
Так реки кровавые и пепелищ чёрный дым,
и слёзы сирот, и стенания горькие вдов
вобрал в своё сердце, пройдя по просторам родным,
и осветлил Троицы вечным сияньем Рублёв.
Так каждой былинкою мир расцветает весной,
и так по крупиночке кристаллизуется соль,
и Жемчуг растёт между створками тверди земной,
которым в день Судный испукнется страждущих боль.